

ДОПРОС А.Д.ПРОТОПОПОВА

8 апреля 1917 года

Содержание:

О сношениях Протопопова с Карлом Периным — хиромантом Charles Perrin

Председатель — А Д Протопопов, скажите, пожалуйста, знаете ли вы некоего Карла Перина, и, если знаете, когда, где и при каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

Протопопов — Карл Перин?... Не знаю

Председатель — Карл Перин

Протопопов — Совершенно не знаю... Карл Перин... Нет! совершенно не знаю

Председатель — Вы можете это утверждать?

Протопопов — Утверждаю, что я совершенно не помню его, совершенно не помню...

Председатель — Т -е не помните, или вы его не знали никогда?

Протопопов — Никогда! Я прямо не помню даже такой фамилии... Прямо не помню, чтобы когда-нибудь слышал даже...

Председатель — Это один из ваших стокгольмских знакомых...

Протопопов — У меня нет знакомых в Стокгольме, совершенно нет...

Председатель — Может быть, это одно из тех лиц, с которыми вы встречались в Стокгольме?

Протопопов — Такая масса лиц там была, а я ведь всего одни сутки был в Стокгольме...

Председатель — Может быть, вы встречались в гостинице?

Протопопов — Может быть, он подошел ко мне в гостинице... Прошлый раз вы мне сказали про Бебутова: мне вспомнилось, что я там его видел, но раньше я его никогда не видал и встретился с ним тут в первый раз

Председатель — Нам хотелось бы, чтобы вы вспомнили про Перина...

Протопопов — Прямо, не могу вспомнить... Прямо говорю вам, г председатель: я его не знаю!... Вот Ашберга я помню

Председатель — Значит, позвольте считать, что вы его не знаете?

Протопопов — Пожалуйста!

Председатель — Не то, что не знаете, но что не помните?

Протопопов — Не помню... совершенно...

Смиттен — Может быть, под другой фамилией вы его знали?

Протопопов — Я помню фамилии: Ашберг, Бебутов... А Перин — не помню... Маркова помню, хорошо помню: это один из русских, который там живет...

(Перерыв заседания)

После перерыва

Протопопов — Может быть, ошибка: Charles Perrin?

Председатель — Да, да...

Протопопов — Это не стокгольмский мой знакомый!... Он был здесь — в Петрограде, жил в Гранд-Отеле: Шарль Перрен!... Это гадалец, предсказыватель будущего, — это не то, что мой знакомый... Он читает мысли, по-видимому, очень удачно! Я был у него, заплатил довольно дорого, и мы разошлись, так сказать, знакомыми... Но я только один раз и был у него в Петрограде. А затем, он часто про меня вспоминал...

Председатель — Вы не встречались с ним за границей?

Протопопов — Ни разу. Я был с ним лишь в переписке. Он мне писал, когда я уже был министром, чрезвычайно любопытное письмо, — что он читает мысли и т. д.

Председатель — А в Петрограде вы его видели, когда вы были уже министром?

Протопопов — Нет, нет!... Года за два до того, а потом был в переписке...

Председатель — А о чем была ваша переписка?

Протопопов — Переписка — самая простая... (Его письма, вероятно, сохранились у меня на столе: они лежали с левой стороны...) Поразительные письма! Он меня всегда удивлял указанием дат, которые, действительно, совпадали с разными трудными для меня моментами!... Он мне предрекал великое будущее!... Он предлагал приехать сюда в Петроград. Мне и хотелось, чтобы он приехал... Я ему послал телеграмму, что буду ему очень рад, если он приедет... Тогда, через некоторое время, он, из Стокгольма уже, телеграфировал, что приехать не может. Директор департамента полиции сообщил мне, что генеральный штаб имел что-то против его приезда, что он на плохом счету... Я ответил Перрену, что, вследствие военных обстоятельств, он приехать не может.

Председатель — Что значит: на плохом счету?

Протопопов — Что он считался причастным к шпионству, — я так понимал...

Председатель — И вот, после этого, что же вы сделали?

Протопопов — Я сообщил ему, что приехать ему невозможно (английская была телеграмма)... Текста не помню, но я ответил, что, вследствие обстоятельств военного времени, его приезд невозможен.

Председатель — Куда же вы адресовали эту телеграмму?

Протопопов — Положительно не помню: либо в Норвегию, либо... Не помню, не помню куда!...

Председатель — Когда вы послали такую телеграмму?

Протопопов — Это было очень скоро после получения его первого письма, потому что через месяц он мог выехать, и доехал до Стокгольма. Он первый раз писал не из Стокгольма, а из Норвегии, где жил у какого-то господина... Этот Карл, доктор Карл Перрен — поразительный человек, в том смысле, что читает чужие мысли, отгадывает... Это — поразительный человек!... А насчет шпионажа — я знаю одно: мне было сообщено, что его сюда выписывать нельзя. Об этом мне сказал директор департамента полиции Васильев: «Лучше, говорит, не настаивать, оставить в покое»...

Председатель — Что же, вы были близки с этим Перреном?

Протопопов — Один раз в жизни его видел!... Затем и переписка прервалась. И вот, я получил от него письмо лишь тогда, когда я был назначен министром внутренних дел, письмо с предложением услуг...

Председатель — Вы ответили письмом или телеграммой?

Протопопов — Телеграммой... Больше ничего не было!

Председатель — Вам известно было, что этот человек австрийский подданный?

Протопопов — Нет, он — американец: мне говорили, что он английский подданный, а называл он себя американцем...

Председатель — Вы можете утверждать, что вы его в Стокгольме не видели?

Протопопов — Утверждаю, г. председатель, утверждаю!

Председатель — Когда сообщил вам Васильев, что он имеет отношение к шпионству?

Протопопов — Очень скоро... Дело было так. Я хотел, чтобы он приехал... На его предложение приехать я ему ответил (я не знал, что есть какие-нибудь препятствия к его приезду). Как только мне сказали, что есть препятствия со стороны генерального штаба, я сказал: «бог с ним, пусть не приезжает»... И ответил ему, что, в виду обстоятельств военного времени, приехать нельзя...

Председатель — Почему заговорил с вами о нем Васильев?

Протопопов — Потому что надо было достать паспорт, какое-то разрешение, которое он просил ему выслать...

Председатель — Вас просил?

Протопопов — Да... для ускорения. А потом, когда мне сказали, что нельзя, тогда это, конечно, отпало само собой!... Прежде он в Петрограде жил долго...

Председатель — Вы не припомните, что вы послали ему эту телеграмму на миссию?

Протопопов — Очень может быть... Адресовал на нашу миссию в Стокгольме? Может быть, вероятно... Я не помню

Председатель — Вы говорите: «может быть»... Но этого несомненно *не должно было* быть, чтобы министр внутренних дел, осведомившись, что этот человек заподозрен в шпионстве, через русскую миссию за границу посылал для этого шпиона телеграмму!...

Протопопов — Я же ему отказал!... Вероятно, я посылал через миссию... Я не помню, как это было, но во всяком случае я его сюда уже не приглашал... Совершенно понятно: как же это можно было!... Ведь, когда я его приглашал сюда, просил приехать, я совершенно не думал, что он шпион, этот человек, к которому ходила масса народа...

Председатель — Зачем к нему ходили?

Протопопов — Вот, — для отгадывания... Он по линиям руки и по мыслям отгадывал... Он понимал мысли: это поразительно было!... Нас было несколько человек вместе... А затем, я уже больше его не видел

Председатель — Скажите, пожалуйста, какую новость вы ему хотели сообщить?

Протопопов — Я? Положительно никакой... Не помню

Председатель — Вот видите: в вашей телеграмме содержится такая фраза — «*Ultérieurement manquerais pas de donner nouvelles*»...- и т д Что это значит?

Протопопов — Я не помню; вероятно, о том, что его предсказания совпали...

Председатель — Ведь это значит: «я не премину несколько позже вас известить, уведомить, послать вам весточку» — такая фраза была?

Протопопов — Вероятно, я предполагал сообщить ему, в каком положении мое здоровье, как совпали его предсказания... Г председатель, разрешите мне определенно сказать, что тут никаких политических сношений нет и не было, решительно никаких! Это я вам совершенно определенно утверждаю

Председатель — А дальше: «*et espère dans quelque temps réaliser mon désir écouter vos conseils*»...

Протопопов — Вот это — да! Это я мог написать, потому что, действительно, я стал верить этому человеку... Он до такой степени правильно мне говорил...

Смиттен — И это было после того, как вы получили от директора департамента полиции сведения, что он шпион и что его приезд невозможен?

Протопопов — Да

Смиттен — Как же вы считали возможным продолжать какие-нибудь отношения, не прервали их окончательно?

Протопопов — Совершенно верно! Я бы, конечно, их и прервал, но я должен совершенно откровенно вам сказать, что я не вполне доверял тому, что он шпион... Этому я не поверил!... Вы меня спросите: почему? Потому что вообще у нас в последнее время чрезвычайно легко говорят: шпион, шпион...

Председатель — Простите, но не обязывало ли вас ваше положение исследовать этот вопрос, а до исследования — воздержаться от сношений с человеком, подозреваемым в шпионаже?

Протопопов — Я прямо вам скажу, г-н председатель: я это сделал, конечно, ничего не думая... Телеграмма эта только и есть... Больше ничего нет, никаких сношений у меня с ним не было

Смиттен — Но вы видели его один раз в жизни, следовательно, какая же, в ваших глазах, была гарантия, что сведения департамента полиции не должны быть приняты на веру?

Протопопов — Я их принял в том смысле, что ему нельзя приехать... Я никаких сношений с ним не имел. Но мне было интересно получать от него письма...

Смиттен — Даже, если бы он был шпионом?

Протопопов — Нет, какой же это шпион?!...

Председатель — Вы, вероятно, будете отрицать, что знали, кто он, а у нас нет пока данных утверждать, что вы знали... Но я вам скажу: это — человек, которого союзные с нами правительства, так сказать, считают шпионом, устанавливают за ним наблюдение... Как же русский министр внутренних дел попадает во время войны в такую историю: вступает в сношения, посылает такую, в высшей степени любезную телеграмму человеку, который, и по данным русской полиции, и по данным наших союзников, в том числе и англичан, — человек подозрительный, бывший австрийский подданный, недавно принявший американское подданство?

Протопопов — Я не считал, что я состою с ним в сношениях... А что я ему ответил любезной телеграммой, это — правда: я ответил любезной телеграммой...

Председатель — Теперь, когда мы текст телеграммы отчасти огласили, вы говорите, что ответили любезной телеграммой. Раньше вы нам ответили, что, получив неблагоприятные для Перрена сведения от департамента полиции, вы лишь сослались на военные обстоятельства и отказали ему во въезде в Россию

Протопопов — Правда, правда... Это я помню...

Председатель — Вы видите: телеграмма содержит в себе несколько иное ваше настроение, не ограничивается сухим отказом во въезде

Протопопов — Нет, сухого отказа не было, потому что у меня оставался интерес к некоторым предсказаниям... Это верно. Но, понятное дело, я с ним никаких сношений не мог иметь...

Смиттен — Благоволите сказать, какую сумму вы заплатили ему за гадание?

Протопопов — Двести рублей — за один сеанс... Но нас было несколько человек...

Руднев — Не можете ли вы мне ответить, какого рода гадание, какой разговор происходил у вас, — если это не касалось вашей семейной жизни?

Протопопов — Он смотрел на руку... По-английски разговор у нас происходил...

Руднев — Но о чем?

Протопопов — Ну, например, отгадал, как зовут мою мать: заставил меня думать, — и отгадал!... Я был с женой, дочерью, beau-frere'ом, — нас было несколько человек

Председатель — Вам известно, что этот человек ездил к русской границе для секретных свиданий с некоторыми русскими?

Протопопов — Нет, не знаю... Подробностей я совершенно не знаю про него

Председатель — Это не подробность, и это факт!

Протопопов — Мне это не было сообщено... Вообще про шпионаж в министерстве внутренних дел ничего не знали

Смиттен — Каким образом возник вопрос о выдаче ему паспорта для въезда в Россию?

Протопопов — Вот это — через меня...

Смиттен — Какие шаги вы предприняли в этом направлении?

Протопопов — Никаких... Я просто сказал директору департамента полиции: «Нельзя ли устроить ему паспорт?»...

Смиттен — Поручая такое дело директору департамента полиции, вы установили сначала, кто этот господин?

Протопопов — Ведь, иначе нельзя!... Для того, чтобы приехать в Россию, нужно в генеральном штабе узнать, можно ли этому человеку приехать...

Смиттен — Когда вы поручали выдать паспорт Перрену, вы знали, какой тут порядок?

Протопопов — Нет, не знал. Я узнал, когда мне сказали...

Смиттен — Значит, на том основании, что он вам гадал за два года перед тем, вы сочли возможным пустить его в Россию во время войны, не зная, кто он такой?

Протопопов — Я не думал об этом...

Смиттен — Ведь инициатива выдачи паспорта принадлежит вам?

Протопопов — Вы, действительно, вопрос остро ставите! Действительно, это верно... Но, во всяком случае, паспорт выдает ведь не министр внутренних дел, а выдает директор департамента полиции. Я туда и обратился: может он приехать или нет?... А уж там — они сами знают...

Смиттен — Значит, вы обратились не императивно к департаменту полиции, чтобы устроить такой-то паспорт?...

Протопопов — Нет, нет!

Смиттен — Вы лишь спрашивали, может ли он приехать?

Протопопов — Не помню, в какой форме... Но, во всяком случае, как только было сказано, что нельзя...

Смиттен — Не можете ли вы сказать, какому лицу вы передали вашу телеграмму к Перрену?

Протопопов — Директору департамента полиции, тому же Васильеву

Председатель — Следует ли понимать вас таким образом, что, за исключением той телеграммы, часть которой я здесь огласил, вы не состояли ни в какой ни телеграфной, ни почтовой переписке с этим Карлом Перреном?

Протопопов — Кажется, две или три телеграммы послал... В ответ на каждое его письмо я посылал телеграммы.

Председатель — Значит, были и другие телеграммы?

Протопопов — Раньше, — когда я думал, что он может приехать...

Председатель — Нас интересует тот период вашей жизни, когда вы были министром

Протопопов — До этого времени у меня не было никаких письменных сношений с Перреном. Они начались, как только я был назначен министром внутренних дел. Он мне прислал необыкновенно хорошее письмо — необыкновенно хорошее!

Председатель — Вы думаете, что оно сохранилось?

Протопопов — Я думаю, что сохранилось, вот тут (показывает на левую сторону стола)

Председатель — Где, в министерстве внутренних дел или у вас на квартире?

Протопопов — У меня на квартире. Я показывал многим лицам это письмо... Многим лицам показывал...

Председатель — Значит, вы продолжаете утверждать, что, возвращаясь с русской делегацией в Россию, вы с Перреном в Стокгольме не виделись?

Протопопов — Нет, не виделся

Иванов — Вы изволили один раз с ним видеться в Петрограде в Гранд-Отеле. Кто его вам рекомендовал? Откуда вы о нем узнали?

Протопопов — Я в газетах вычитал, переговорил с ним по телефону, а вечером поехал...

Иванов — А вы не знаете: он долго жил в Петрограде?

Протопопов — Долго

Председатель — Почему вы думаете?

Протопопов — Он мне сказал тогда, что долго жил...

Руднев — Вы сказали, что он очень хорошее письмо прислал... Почему вы считаете это письмо хорошим?

Протопопов — Например, он мне пишет: — вот такие-то дни (вообще, как гадальщик), такие-то дни для вас опасны, такие-то плохие, потом — Сатурн, Юпитер... Мне все это нравилось!

Завадский — Мне бы хотелось знать о времени посылки вами последней телеграммы?

Протопопов — Не могу вам сказать, положительно не могу: так у меня в голове спутались сроки!

Завадский — Вы посылали телеграмму в то время, когда в Петрограде восстание началось?

Протопопов — Нет... т -е какое восстание?

Завадский — Февральские дни

Протопопов — Нет!

Завадский — Есть сведения, что ваша телеграмма была послана 27 февраля...

Протопопов — Господи Иисусе! как это может быть? Русского стиля?

Завадский — Вот это-то и любопытно...

Протопопов — Русского стиля? Нет, это положительно невозможно

Председатель - А по новому стилю возможно? Т -е , что это было 14 февраля по нашему стилю...

Протопопов — Нет, этого не может быть... Положительно невозможно!

Председатель — Вопрос исчерпан